

УДК 821.161.1

Путеводная звезда Мариэтты Шагинян

Стопченко Николай Иванович

Доктор культурологии, профессор,
Донская академия наук юных исследователей им. Ю.А. Жданова,
344006, Российская Федерация,
Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 55;
e-mail: nikis.don@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена известной отечественной писательнице Мариэтте Сергеевне Шагинян (1888-1982), богатый опыт освоения культуры которой становится основой для возрождения, сохранения ее наследия на новом уровне. Мощный идейно-эстетический потенциал шагиняновской традиции позволяет выявить важнейшие факторы, которые скрепляют литературный и социокультурный процессы России XX-XXI веков и содействуют выходу из затянувшегося несправедливого забвения ее животворного наследия.

Для цитирования в научных исследованиях

Стопченко Н.И. Путеводная звезда Мариэтты Шагинян // Культура и цивилизация. 2015. № 3. С. 24-36.

Ключевые слова

Путеводная звезда, человек-эпоха, философская основа художественного мышления, активный участник, понимание проблем народа, интеллектуально-философская глубина произведений, многожанровое наследие, приверженность реализму.

«Идеал – это путеводная звезда; без нее нет твердого направления, а нет направления, нет и жизни».

Л.Н. Толстой

Введение

В лице Мариэтты Сергеевны Шагинян (1888-1982) читательский и научный мир чествуют писательницу старшего поколения, большого художника слова, прошедшего сложный эволюционный путь творческого развития. Начав печататься с 1903 года, она принадлежала к тем щедрым, одаренным натурам, которым были подвластны многие жанры литературы – от очерков, публицистических статей, пьес, рассказов и научных монографий до социально-политических, нравственно-психологических и авантюрных романов, повестей и хроник. Другая бросающаяся черта ее наследия – философская основа художественного мышления – стала определяющей после окончания историко-философского факультета Высших женских курсов (1912) и проявления интереса к немецкой классической философии и филологии, особенно к И. Канту и И.В. Гёте. Стихотворный сборник «Orientalia» (1913), несмотря на символистский религиозно-мистический характер и экзотический фон, принес ей *известность*, которая, по мере овладения реалистическим методом и выхода в свет ее новых произведений, становилась все более значительной.

М. Шагинян, активный участник социокультурной жизни России, была в числе писателей, с энтузиазмом встретивших Октябрьскую революцию, усилившую уже сложившееся понимание проблем народа. Революция содействовала окончательному формированию ее как творческой личности и обращению к новым, самым разнообразным темам литературного творчества. Многим произведениям Мастера, отражающим историческую интеллектуально-философскую глубину восприятия неоднозначного Времени «красной цивилизации» – великой, героической и вместе с тем трагической, суждена долгая жизнь. К таким произведениям относятся книга воспоминаний «Человек и время: История человеческого становления» и романы-хроники «Семья Ульяновых», передающие социально-историческое видение судьбы России, монографии о И.В. Гёте,

Т.Г. Шевченко, Низами и других, статьи-этюды о русских и армянских классиках, современных писателях.

Руководящая идея в жизни и творчестве М. Шагинян

Ретроспективно обозревая долгую творческую жизнь М. Шагинян, необходимо отметить присутствие определяющей *путеводной звезды* в ее судьбе и богатом многожанровом наследии. Именно эта руководящая идея, указывающая верное направление в жизни и писательской деятельности, помогла ей, поэтессе Серебряного века, сравнительно легко избежать искушений символистской эстетики и религиозно-философской концепцией Мережковских, последующих модернистских соблазнов и осознанно прийти к реализму. Эта путеводная звезда стала, по мысли Л. Толстого, *идеалом*, главной опорой автора в годы сложных социально-политических перемен, тяжелейших противоречий исторического развития новой России. Путеводной звездой ищущего художника в русской философской традиции заявила о себе совокупность ее актуальной публицистики и прозы, сформировавшиеся у нее представления о целях, принципах, основных направлениях *культуры*, жизненно необходимой народу в новую историческую эпоху. «В новую, пореволюционную, эпоху М. Шагинян вступает *зрелым* 30-летним человеком, со сложившимся мировоззрением, – констатирует её внучка. – Обозреть всю предшествующую жизнь с ее поисками истины, попытками постичь законы бытия, понять и осмыслить «Что такое Время?» и, наконец, найти и сформулировать для себя ответ: «Время – это мы сами», – таково направление творческих устремлений М. Шагинян» [Шагинян, 1986, т. 1, 704].

Большой художник, она высоко ценила истинную культуру, постоянно стремилась содействовать ее развитию, обогащению и защите. Раздумья над острейшими проблемами и особо значимой ролью старой, классической, и современной культуры в советском обществе определяют примечательную *множественность* ее осмысления в писательской палитре. Стремление разобратся в прошлом, критический взгляд на многие современные явления, поиск путей к жизненно необходимым переменам, приверженность реализму и жиз-

неутверждающий гуманизм творчества, поддержка и сбережение культурных ценностей – эти важные приметы научного отношения к жизни определяют *идейные основы* М. Шагинян, обусловив эволюцию социально-философских воззрений. С присущей ей духовной близостью внутренней программе русской и мировой культуры она постоянно ощущала *ответственность* за нравственное состояние народа, считая своим долгом способствовать появлению и росту молодых писательских дарований, утверждению идеалов правды, справедливости, совести, красоты, составляющими стержень народного мировосприятия и социальных отношений. Запись в ее дневнике свидетельствует об этом: «Кто не живет жизнью своего народа, теряет себя как творца» [там же, 709].

Теоретические проблемы литературного творчества и портреты писателей

В авторском собрании сочинений М. Шагинян в 9 томах содержится значительная часть литературных работ, в которых впечатляюще излагаются принципы художественного мастерства, а также передаются ее вкусы и пристрастия. Как и в наследии в целом, важное место занимают *проблемы литературного творчества и портреты писателей* в труднообозримой по обилию галерее от А. Пушкина до М. Шолохова и других крупных современников. Бросается в глаза большой жанровый диапазон этих работ: от острых полемических статей, статей-размышлений, очерков-воспоминаний и документальных публикаций до взволнованного прямого разговора с читателем, в котором автор ищет заинтересованного интеллектуального собеседника, постоянный *отклик на все новое*, творчески своеобразное, что возникало и утверждалось в культуре.

Выбор тем и объектов для ее критических размышлений отнюдь не случаен. Внимание М. Шагинян всегда привлекали авторы и их произведения, близкие ей по духу, по художественной манере, самому подходу к событиям действительности. Ряд основных принципов этого отбора отчетливо проступает в ее статьях и выступлениях. Это, прежде всего, интерес современного писателя к окружающим его реалиям и людям, постановка вопроса, всегда волновавшего М. Шагинян, о том, что должен совершить отдельный человек, какой

вклад обязан он внести *в общенародную жизнь*. И, наконец, просматривается интерес художника к развитию и движению исторического процесса, идущего на глазах у современников, стремление понять, изучить, раскрыть в своих суждениях его новизну.

Имя М. Шагинян прочно связано с зарождением на рубеже 1920-1930-х годов отечественной *научно-художественной литературы*, когда М. Горький высказал мнение о необходимости образного научно-художественного мышления, и ее особым подъемом во второй половине XX столетия. Особенностью большинства произведений писательницы и публициста, представленных в самых разных жанрах, является обращение преимущественно к «человеческой» стороне науки, духовному облику ее творцов, к психологии научного творчества, философским истокам и последствиям научных открытий. Признания самой М. Шагинян в мемуарах «Человек и Время» в том, что она «упивалась процессом мысли» и «нет изолированных знаний! Все перекликается на том высоком уровне мышления, которое зовется проблемным» [там же, 174, 190], подтверждают вышесказанное. Под ее пером всё написанное обладает не только интеллектуально-познавательной, но и эстетической ценностью, призвано сочетать увлекательность изложения с научной достоверностью в раскрытии проблем, образность повествования с документальной точностью жизненного материала.

Много лет отдавала она свой вдохновенный талант художника, знания ученого, опыт публициста созданию произведений о выдающихся деятелях русской, армянской и мировой культуры. Постоянным объектом ее художественного воспроизведения являлась интеллектуальная личность с богатыми духовными ценностями: Т. Шевченко, И.В. Гёте, С. Рахманинов, И. Мысливечек, Х. Абовян, М. Налбандян, Е. Чаренц... Множество портретов национальных классиков и современников вошло в ее очерки, этюды и монографии. Изучение творчества Тараса Шевченко помогло ей потом в работе над монографиями о Гёте, Я.А. Коменском, Вильяме Блейке и об армянских классиках [Шагинян, 1972, 72]. Сближение литературы и науки, несомненно, приводит к возникновению историко-биографических произведений особого рода, принадлежащих и к науке, и к искусству, рода нового и оригинального.

Обращаясь к наследию выдающихся русских писателей-классиков XIX в., М. Шагинян всегда убедительно связывала их идейно-эстетические искания с современностью. Вместе с тем центральная проблема ее творчества – сумма трех слагаемых: личность, народ и история. В этюдах об А. Пушкине, И. Крылове, Н. Гоголе, Л. Толстом, Н. Чернышевском и многих других, написанных в характерной для нее *лирико-очерковой манере*, важнейшая проблема исторической преемственности решается автором путем исследования и раскрытия тех художественных тенденций прошлого, которые получают дальнейшее развитие в XX веке. Например, в «Трех речах о Пушкине» она начинает реализацию своего ставшего для нее традиционным подхода. Правомерно автор утверждает, что наше время стремится сказать о родоначальнике русского литературного языка свое слово, равное слову В. Белинского. Оно должно «не умножать бесконечно во всех видах и жанрах старое чтение Пушкина, а прислушаться к тому, *как эти тексты* читает новый в нашей стране человек, что он в них вычитывает и как он ими пользуется» [Шагинян, 1989, т. 8, 647]. И подкрепляет свой убедительный вывод успешным проведением Пушкинской конференции (1937) в сельской школе. В статье «О языке Пушкина» она ставит отнюдь не риторический вопрос о том, почему и каким образом его поэтическая речь определила язык целой эпохи и последующих столетий и дает на него ответ. «Пушкин сумел оставить нам «энциклопедию русской жизни» в мельчайшей ее конкретной прелести. Кто имеет дело с самой жизнью и разговорной речью людей, тот... неизбежно начнет *ковать язык* реальных вещей и понятий своего времени, и *только такой язык* сможет стать орудием общественного развития» [там же, 658-659].

В своем этюде «В творческой лаборатории Гоголя» она, продолжая откликаться на русскую классику, высоко оценивает страстное желание автора «работать на современность», создавать произведения, которые могли бы *научить* его соотечественников, *повести их за собой*, показать им образцы полезной и нужной родине деятельности [там же, 669]. При этом творческая одержимость Н. Гоголя может и должна служить опорой в художественных исканиях современных писателей, уповающих на классическое наследие. В статье о романе армянского писателя Е. Чаренца «Страна Наири» М. Шагинян отмечает: «Ритм и образность так своеобразно сильны, что название «подобный поэме», дан-

ное автором своему роману, вполне оправдывает ассоциацию с бессмертными «Мертвыми душами» Н. Гоголя, тоже названными великим русским классиком – поэмой» [Шагинян, 1989, т. 9, 293].

Не могла она пройти и мимо художественной лаборатории высокого искусства басни И. Крылова, посвятив обстоятельный этюд ему, одной из сложнейших фигур русской литературы. Как ученый исследуя его творческий путь, она нашла проникновенные слова, не оставляющие равнодушными каждого из нас: «Басни Крылова – это наше детство, наше отрочество, наша зрелость, образы этих басен, мораль их, отдельные выражения – вошли в самый воздух культурного роста нашего народа» [Шагинян, 1989, т. 8, 704].

Среди гигантов-классиков, повлиявших на М. Шагинян определенной гранью своего дарования, именно Л. Толстой, фиксирует она в очерке «Ясная Поляна», «дает каждому творцу *урок глубины восприятия жизни*, потому что жизнь во всем ее богатстве окружает каждый шаг человека» [там же, 719]. В очерках-этюдах и литературных портретах М. Шагинян проявляется тонкая психологическая наблюдательность, умение показать многообразие различных характеров – все то, что всегда будет отличать ее творческий стиль. Восхищаясь мастерством русских корифеев XIX века, она призывала учиться у них и горячо поддерживала смелые идейно-эстетические искания собратьев по перу. Со многими из них ее связывали знакомство и личная дружба, в разные годы велась переписка, шли творческие споры, определялась художественная позиция. На основе глубоких знаний, опыта и обширных жизненных наблюдений писательница воссоздавала неповторимые лики классиков русской словесности и современных литераторов, не потерявшие и сегодня своей впечатляющей глубины и актуальности. В своих литературно-критических статьях М. Шагинян философски размышляет, спорит, делает свои прозорливые выводы, ведя искренний серьезный разговор с современниками и о современниках.

Поражает ее точное и глубокое понимание духовно-творческого мира А. Блока, у которого «гениальные начертания различных образов и душевных стадий», А. Белого, «превосходного чтеца – и вы наслаждаетесь сознанием силы подлинного искусства»; «острым, главным образом эстетическим очарованием» в «животворящей книге» А. Ахматовой, «самой настоящей поэзии»

ей настоящего таланта» М Цветаевой («Литературный дневник»: 1921-1923). В статье «Воспоминания А. Белого о Блоке. 1900-1912» М. Шагинян про- ницательно увидела, что способность первого «выявить через себя» друга- антагониста «достигает несравненной силы» [Шагинян, 1986, т. 2, 703-704]. Ее профессионально-аналитическая оценка значительных достижений и про- счетов поэтов Серебряного века выглядит сегодня как весомый вклад в отече- ственное литературоведение.

Благодаря своей *гражданской и творческой активности*, М. Шагинян всег- да находилась в гуще идейно-эстетических исканий и социокультурной жизни на разных этапах как нашей страны, так и зарубежья, что позволяет видеть в ней *проводника всечеловеческой культуры*, оставившего немало содержательных трудов о классиках мировой литературы – И.В. Гёте, Т. Шевченко, Низами и др., в том числе русских и армянских. С большой симпатией писала она о созда- теле армянских писем М. Маштоце; о «гениальном романе-эпосе Х. Абовяна «Раны Армении», сделавшего для своего народа на родном языке то, что Данте для итальянцев». Шагинян симпатизировала литератору М. Налбандяну, видев- шему будущее своего народа в тесной связи с русским народом, крупнейшему писателю-реалисту А. Ширванзаде и выдающимся поэтам О. Туманяну и Е. Ча- ренцу. Часто обращалась она и классикам армянской литературы Г. Сундукяну и Г. Севунцу, к мудрым и обаятельным армянским сказкам. Написанное М. Ша- гинян, думается, представляет собой своеобразные *книги очерков* по истории русской и армянской литературы в социокультурном развитии и движении.

Взаимосвязи прошлого и настоящего она прослеживает и в судьбах своих собратьев по перу, проявляя подлинное *новаторство*, обогащенное традиция- ми прошлого и устремленного в будущее. Так, в очерке «Наш Горький» автор подчеркивает непреходящую актуальность его наследия: «С удивительной си- лой возвращаются к нам сказанные им слова, созданные им образы. Нельзя не чувствовать его постоянного, направляющего присутствия возле нас» [Ша- гинян, 1989, т. 9, 7, 11]. Личное знакомство и совместное сотрудничество в журнале «Красная новь» связывали М. Шагинян и А. Фадеева, роман которого «Последний из удэге» вызвал острые литературные споры. Именно она одной из первых встала на его защиту от нападок рапповской критики [там же, 11].

М. Шагинян высоко ценила поэтику К. Паустовского. В своем поздравительном «Слове» о нем, приуроченном к юбилею писателя, она находит пронзительное доказательство его высокого мастерства через глубоко личностное восприятие [там же, 52-53]. Вызывают непреходящий интерес живые, зачастую полемические отклики М. Шагинян на явления *текущего литературного процесса*. В частности, романтическое своеобразие произведений А. Грина, которому она искренне симпатизировала, всегда привлекало внимание писательницы и находило ее высокую оценку. Не раз, включаясь в разгоравшиеся споры вокруг его рассказов и повестей, она отстаивала тезис реализма гриновской фантастики и право художника на свою особую стилевую манеру [там же, 28]. Внимание М. Шагинян не мог не привлечь роман Ю. Крымова «Танкер «Дербент», ставший заметным литературным явлением предвоенных лет. Она называет роман «прекрасной книгой», в которой рабочая тема позволяет раскрыть персонажей произведения как *созидателей* [там же, 20].

Глубокий творческий интерес вызывал у нее М. Шолохов. Расширенную статью о его произведениях «Художник большой, настоящий» она начинает весьма оригинально и так, как может сказать о писателе только писатель: «Если вы захотите вдохнуть аромат вишневых садов в цвету, распахните первые страницы первого тома «Тихого Дона». Какая прелесть весенней природы ворвется к вам вместе с вишневым цветением в вашу душную городскую комнату!» [там же, 59]. И далее следует множество точных и тонких наблюдений: прекрасное описание южнорусской природы, пронизанное жизнелюбием, радостью жить человеку на земле, сердечной теплотой к человеческому бытию, оптимизмом... М. Шолохов выражает в своих книгах «развитие народного сознания» [там же, 62].

В последующие годы она продолжает энергично откликаться на новинки литературы, вызвавшие горячие споры и обсуждения остротой поставленных в них проблем. Ее внимание по-прежнему привлекают авторы активного общественного действия, охваченные стремлением лично участвовать во всем происходящем в стране, находиться в центре новых, сложных, хотя и противоречивых событий. Они начинали, как и М. Шагинян, свой путь с жанра *очерка*, ставшего своеобразным трамплином для вхождения в большую литературу и действительно связанного с историческими переменами в нашей стране. Яр-

ким социокультурным явлением стало для нее появление очерков В. Овечкина «Районные будни»: при их чтении у нее возникло «странное чувство, редкое сейчас над современной книгой: *на исчезновении грани между искусством и жизнью*, книгой и действительностью» [там же, 37].

М. Шагинян уделяла серьезное внимание вопросам *теории литературы и искусства* на протяжении всей своей жизни. Уже в ранних статьях и в более поздних выступлениях на съездах писателей она подвергает острому анализу их назначение и роль художника в обществе, занимается постоянными поисками в области художественной формы. Так, в курсе лекций по эстетике и истории искусств, прочитанных ею в Донской консерватории (1917-1919) и изданных в Петрограде (1922), она предлагала студентам богатейшую культурную палитру – от первобытного мира до современности. В проведенных восьми «Беседах с начинающим автором» (1933-1953) большой мастер сделала вывод, что передать свой богатый писательский опыт, научить других есть уже само по себе искусство. Приступая к занятиям с начинающими авторами, М. Шагинян не только делилась с ними готовым, но и по-сократовски приходила вместе с ними к тому самому знанию, которое должна была передать. В беседе, посвященной методике усвоения культурного наследия, она относится к опыту прошлого не как к давно законченному, а как проверяемому и продолжающемуся в настоящем. В таком подходе видится подлинное отношение к культурному наследию и единственно верный способ его усвоить. «Познавательный процесс осуществляется легче и приятнее, когда сам человек может стать соучастником того, что служит предметом его познания» [там же, 85].

Заключение

Богатый опыт освоения культуры М. Шагинян, человеком-эпохой со своей путеводной звездой, становится *основой* для возрождения, сохранения и дальнейшего развития отечественной культуры на новом уровне. Не только глубокая научность, энциклопедическая широта и четкость мысли в произведениях большой писательницы, но и тесная связь с актуальными задачами современности и внутренняя полемичность мастерски переданы в художественном обрамлении.

Это органично присущее ей качество делает столь убедительным в ее литературоведческой практике сочетание глубины научного анализа с живостью и занимательностью изложения. Несколько изданий собрания сочинений и сборников избранных прижизненных работ М. Шагинян дают основание охарактеризовать *стержневые* художественные особенности разных десятилетий ушедшего века. Мощный идейно-эстетический потенциал ее традиции позволяет выявить важнейшие факторы, которые *скрепляют* литературный и социокультурный процессы России XX–XXI вв. и, наконец, содействуют выходу из затянувшегося несправедливого забвения животворного наследия М. Шагинян.

Библиография

1. Шагинян Е. Комментарии // Шагинян М.С. Собрание сочинений в 9 томах. М.: Художественная литература, 1986. Т. 1.
2. Шагинян М.С. Собрание сочинений в 9 томах. М.: Художественная литература, 1986. Т. 2. 783 с.
3. Шагинян М.С. Собрание сочинений в 9 томах. М.: Художественная литература, 1989. Т. 8. 735 с.
4. Шагинян М.С. Собрание сочинений в 9 томах. М.: Художественная литература, 1989. Т. 9. 767 с.
5. Шагинян М.С. Тарас Шевченко // Единство, рожденное в борьбе и труде. М.: Известия, 1972.

Marietta Shahinyan's guiding star

Nikolai I. Stopchenko

Doctor of Culturology, professor,

Yu.A. Zhdanov Don Academy of Sciences for Young Researchers,
344006, 55 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russian Federation;

e-mail: nikis.don@yandex.ru

Abstract

The article explores the intellectual and philosophical profundity of works written by M. Shahinyan who belongs to those generously gifted people that can write in many literary genres: essays, articles, plays, short stories and scientific monographs as well as sociopolitical, moral-psychological and adventure novels, stories and chronicles. Another striking feature of her heritage – the philosophical basis of artistic thinking – became critical when German classical philosophy and philology, especially works by Kant and Goethe, aroused great interest among people. The October Revolution contributed to the development of her creative personality. M. Shahinyan was a great literary artist, appreciated the true culture, and continuously strove to contribute to its development, enrichment and protection. The desire to understand the past, a critical look at many modern phenomena, the search for vital changes, commitment to realism, life-asserting humanism, and preservation of cultural values that are important features of a scientific attitude toward life determine the ideological framework of M. Shahinyan's literary works. The author of the article thinks that M. Shahinyan always felt responsible for the moral state of the people, believing that it was her duty to contribute to the development of young literary talents, strengthening the ideals of truth, justice, conscience, and beauty.

For citation

Stopchenko N.I. (2015) Putevodnaya zvezda Marietty Shaginyan [Marietta Shahinyan's guiding star]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 3, pp. 24-36.

Keywords

Guiding star, person-epoch, philosophical basis of artistic thinking, active participant, understanding the people's problems, intellectual and philosophical profundity of works, multigenre heritage, commitment to realism.

References

1. Shaginyan E. (1986) Kommentarii [Comments]. In: Shaginyan M.S. (1986) *Sobranie sochinenii v 9 tomakh* [Collected works in 9 volumes]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.

2. Shaginyan M.S. (1986) *Sobranie sochinenii v 9 tomakh* [Collected works in 9 volumes]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.
3. Shaginyan M.S. (1989) *Sobranie sochinenii v 9 tomakh* [Collected works in 9 volumes]. Vol. 8. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.
4. Shaginyan M.S. (1989) *Sobranie sochinenii v 9 tomakh* [Collected works in 9 volumes]. Vol. 9. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.
5. Shaginyan M.S. (1972) Taras Shevchenko. In: *Edinstvo, rozhdyonnoe v bor'be i trude* [Unity born in struggle and labour]. Moscow: Izvestiya Publ.